

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 23 декабря 1995

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 23 de diciembre de 1995 № 2367

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЛЖЕПАТРИОТЫ

Статью Г. Михайлова „О патриотизме“ в „Русской Жизни“ от 1-го июля 1995, я прочел с чувством глубокого отчуждения. Выражаясь советским языком, сказал бы, что это „типичное не то“.

Может быть, играет роль то, что у нас с г. Михайловым разные биографии. Но думаю, что это как раз отнюдь не самое главное.

Я-то принадлежу к тем, о которых он с оттенком недоброжелательности говорит: „когда мы учили Закон Божий, они учили марксизм-ленинизм“.

Только тут нужна поправка: не они учили, а их учили. Но на меня советская пропаганда никогда не действовала: я вопреки ей выработал свои взгляды. И эти монархические и антикоммунистические взгляды, именно потому, что выработанные наперекор давлению извне, стали неотрывной частью моего существа; им я изменить не смогу никогда.

Предвижу возражения; скажут, что я мол исключение. Вовсе нет. Таких же людей, то есть с такими же взглядами я во множестве встречал, и среди сверстников, и среди представителей старшего поколения. Конечно, откровенно разговаривали мы только в своей среде; а впрочем, как бы по инстинкту, признавали близких по убеждениям даже без слов, при встречах.

И таких же — для меня, конечно, это не „они“ как для Михайлова, — а „мы“, встречал потом и в эмиграции, после Второй Мировой войны. При крайности, мог бы назвать и имена, в том числе известные.

Не чуждое старой эмиграции представление, будто человек есть некая *tabula rasa*, на которой политический режим в состоянии писать что захочет — глубоко неверно. Да и в любых условиях, помимо внутреннего духа, бывают разные влияния: и книги, и люди.

Не скажу „уверен“, а отмечу как факт, что среди теперешних жителей России, включая и вовсе молодых по возрасту я вижу, по переписке и по печатным высказываниям, немало единомышленников, с которыми у меня полная общность воззрений.

Может быть, для автора статьи „О патриотизме“ (название не совсем соответствует содержанию...), его любовь к России потому так легко и отпадает, что она была навязана ему его окружением, а не являлась никогда предметом личного чувства и собственного размышления?

Вопрос он ставит вовсе неправильно и фальшиво: „старая русская культура — да, новое русское государство — нет“.

Речь ведь не о том! Патриотизм есть, в первую очередь, любовь ко своему народу; а затем и к стране, где он обитает и где сформировался. Отрицание советского государства естественно из этой любви вытекает, как и недоверие ко строю, в данный момент его заменяющему.

Конечно, этот народ я люблю, и не в силах не любить, поскольку к нему принадлежу. Сколько бы ни жил за границей. И, полагаю, такое же чувство могут сохранять, и на деле сохраняют, многие родившиеся и выросшие уже вне пределов России. Те, у кого оно более глубокое и продуманное, чем у „американца“ г-на Михайлова.

Понятно, я всегда оставался и останусь русским. Мысль чувство-

вать себя французом или каким-либо иным иностранцем для меня смешна, если не чудовищна. Оговорюсь, что нисколько не осуждаю и даже не критикую тех, кто по нужде взял или тем более по рождению получил какое-либо, — все равно какое, — иностранное подданство. Это есть внешнее и случайное; важен дух.

Атрибуты русскости, указываемые Михайловым мне представляются сугубо второстепенными.

Он высоко ценит русскую кухню. Мы в России привыкли есть, что придется, не больно разбираясь. Признаться ли? Для меня описания русских пиров и ресторанов дореволюционной эпохи, — такая же экзотика как рассказы об арабской или персидской гастрономии. Слова вроде *расстегаи* или *кулебяка* для меня лишены конкретного содержания; никогда в жизни не пробовал. Да вообще-то и в Писании сказано: „Не входящее, а исходящее...“

Важнее бы вопрос о книгах, — часть вопроса о культуре. Но и тут не могу с моим почтенным заокеанским оппонентом согласиться.

Ясное дело, русский язык — мой родной; а иностранные я выучил (и рад, что знаю многие). Но, скажем Достоевский по мне велик тем, что он писатель огромного таланта, Пушкин и Лермонтов тем, что они гениальные поэты. А любить их, так сказать, в обязательном порядке за то, что писали по-русски, я на себе обязанности не ощущаю.

Конечно, всякий большой писатель есть выразитель духа своего народа; но он же, — и общечеловеческих ценностей, каковые выше национальных рамок.

И что уж говорить про то, что все или почти все авторы советской эпохи, лгавшие по принуждению или добровольно, мне абсолютно чужды и неприемлемы. Многие писатели других стран, той же эпохи, мне ближе.

А в целом, всегда готов признать, что иностранная литература (и, если угодно, шире — культура) на меня оказала глубокое влияние, — как и на всех, впрочем, русских интеллигентов, включая и лучших писателей дореволюционных времен.

Не знаю, как сложилось бы мое мировоззрение, не читай я с детства Вальтер Скота, Гюго „93-го года“, Дюма и поэзии прошлых столетий, — французской, английской, испанской... Эти писатели помогли мне найти мой путь, — за что я им навсегда благодарен.

Россия, настоящая Россия, никогда не была отделена от внешнего мира китайской стеной; русская культура, все поминаемая Михайловым, была продуктом тесных контактов с Европой. Вспомним слова Достоевского о всемирном духе Пушкина...

Оставаться русским никак не означает придерживаться узкого национализма (тем паче уж впадать до добра не доводит: довольно взглянуть на творящееся сейчас у нас на родине!)

Патриоты (по здравому смыслу не заслуживающих такого имени) в стиле мистера Михайлова, кушающего русские блюда и гордящегося американским гражданством, — оставим их судьбе. Мы без них обходимся.

Владимир Рудинский

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ЖУКОВ — ПАЛАЧ РУССКОГО СОЛДАТА

В этом году 50-летия „Победы“ до оскомины пришлось слышать о дивизии маршала Жукова — со стороны коммунистов, национал-большевиков, Ельцина (торжественно открывшего ему памятник и учредившего орден его имени) и множества других разношерстных придурков, что — впрочем — вполне естественно. Менее нормально то, что в эмигрантской прессе иные лица, желая сохранить хорошие отношения со штатами местных советских посольств или с иными „суворовцами“ в „РФ“, попытались — и с неким успехом — помешать появлению материалов рисующих истинный исторический облик этого коммуниста, одного из виновников геноцида русского народа.

Жестокость Жукова к своим собственным солдатам и офицерам можно сравнить лишь с сталинской. Мемуары маршала „Воспоминания и размышления“ (Москва, 1970) предвзят отзвук Шолохова: „Жуков был великим полководцем суворовской школы“. Насквозь лживая формулировка, ибо суворовская наука побеждать, „воевать не числом, а умением“, прямо противоположна тезису „любой ценой“ Жукова.

Сталинскую выучку Жуков показал еще на Халхин-Голе. Когда противник атаковал то один, то другой участок фронта, Жуков стал неграмотно перебрасывать соединения с других участков фронта для помощи атакуемому. В результате фронт быстро разстроился и стал неуправляемым. Если бы командарм Жукова не спас положение, заставив его вернуть все соединения на свои места, не миновать поражения на Халхин-Голе. Пристыженный будущий маршал отыгрался на подчиненных: он подписал 17 смертных приговоров по пустяковым сведениям. Следствие и судебное разбирательство заменялись бумажкой, на которой было написано: „Трибунал. Судить. Расстрелять“. И подпись. К счастью, жуковский командарм обратился в президиум Верховного Совета и добился помилования всех семнадцати.

Уже на Халхин-Голе Жуков, делая детские ошибки, совершенно равнодушно нес вследствие этого огромные потери. Но качество это проявилось куда более чудовищно во Вторую Мировую войну. Удар по Зееловским высотам, например, стоил около сотни тысяч солдат и офицеров. Позже, как читаем в номере 46-м „Контакта“, Жуков без всякого оттенка сожаления признавал: „Да, зря мы в лоб штурмовали Зееловские высоты. Зря погибли эти сто тысяч“.

В роли начальника Генерального Штаба перед войной и в начале войны он оказался совершенно беспомощным. В ходе боев он совершал постоянные ошибки, равнозначные преступлениям. Так называемую „стабилизацию положения“ под Москвой, уже в качестве командующего Западным фронтом, он осуществил не какими-либо оперативными планами и замыслами, а вводом в бой все новых сил и беспримерной жестокостью по отношению к своим подчиненным. Последнее импонирует Сталину больше всего, и он влюбился в Жукова. Все крупнейшие операции Второй Мировой войны, связанные с именем маршала, проведены, как и Московская, большой кровью.

Как подчеркивает писатель Г. Владимов, против „четырёхслойной тактики“ (три слоя солдат ложатся мертвыми и заполняют неровности

земной коры, а четвертый ползет по ним) не погрешил он до конца, до Берлинской операции, положив всего триста тысяч на Зееловских высотах и в самом Берлине, только чтобы сделать приятное Сталину — взять город именно к первому мая.

Американцы, которые уже были в Германии, и в частности генералы Паттон и Эйзенхауэр, удивлялись: „Откуда такая жестокость к своим же? Откуда такой безжалостный военачальник?“

Впоследствии Эйзенхауэр много разговаривал с Жуковым о методах ведения войны, и был поражен тем, что для советского маршала русские люди были как мусор. Чтобы разминировать, например, минное поле, он попросту прогонял по нему пехоту.

Одна из главных забот Эйзенхауэра состояла в том, чтобы каждая американская дивизия на фронте насчитывала не меньше 17 тысяч человек, иначе она не могла бы выполнять стоящие перед ней боевые задания. Между тем, Жуков рассказывал Эйзенхауэру, что у него в дивизиях по 8 тысяч человек, а порою потери были столь велики, что оставалось лишь три тысячи человек в дивизии.

„В этом отношении, — пишет Эйзенхауэр в книге „Крестовый поход в Европе“, — весьма показательны рассказы Жукова о том, как его войска пробивались через минные поля противника. Немецкие минные поля, простреливавшиеся заградительным огнем, были сервезными препятствиями, вызывавшими у нас задержки. Несмотря на то, что наши военные техники придумали множество всяческих орудий для уничтожения мин противника, нам все же было трудно пробиваться через минные поля. „Мины, как вы знаете, есть двух сортов, — говорил мне маршал Жуков, — противопехотные и противотанковые. Когда наша пехота подходит к минному полю, она продолжает идти так, как будто перед ней вовсе нет никаких мин. Потери? Потерь от мин не больше, чем от артиллерийского и пулеметного огня, если бы на этом участке немцы имели сосредоточенный артиллерийский и пулеметный огонь. Противотанковые мины под пехотой не взрываются. Когда пехота, преодолев минное поле, укрепится на плацдарме по другую сторону, мы пускаем саперов, которые разминируют противотанковые мины, прокладывая коридоры для наших машин“.

Цензура изъяла из советского издания книги Эйзенхауэра его беседы с Жуковым, в том числе вышеприведенный пассаж, так поразивший американского генерала.

Но и в своей послевоенной деятельности Жуков продолжал истреблять русский народ, и все с той же целью — сделать карьеру. Атомный взрыв позволил ему перебраться из заместителей в министры Обороны, а затем и в члены президиума ЦК КПСС. Благодаря ему 40 тысяч солдат и офицеров сгнили заживо в страшных мучениях. Маршал, которого одел в бронзу скульптор Клыков, дал преступный, человеконенавистнический приказ заставивший этих людей пройти через эпицентр атомного взрыва. Этот эксперимент имел место на Тоцком полигоне в 1954 году. За много меньшее в послевоенной Германии обыватели преступниками против человечности. А в эмигрантской среде есть люди, которые распинаются: Не трожь Жукова! Николай Казанцев

П. БУДЗИЛОВИЧ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ? ДАВИТЬ!

Поезд московского метро со скрежетом замедлил ход и в окне вагона выплыло и остановилось название станции — Полелаевская. Член Главного правления Конгресса Русских Американцев (КРА) Людмила Александровна Фостер и я вышли на перон и тут же натолкнулись на Александра Огородникова: по его указаниям мы сели в головной вагон поезда и он нас сразу же узнал как „американцев“ (непонятно почему, но местные жители всех республик бывшего Советского Союза безошибочно узнают в нас иностранцев, как бы мы ни были одеты). Я встретился с Огородниковым лет 5 тому назад в Вашингтоне, но это было чисто „шапочное“ знакомство и ни он, ни я об этом не помнили.

В этот день (28-11-1995 г.) на улице было пасмурно, шел небольшой снег, но снежинки таяли, не долетая до земли. Я нахлобучил свою шерстяную шапку и минут через 10 мы вошли в полутемные сени черного хода „Столовой для бездомных“ (то ли из экономии, то ли по другим причинам, но во всех помещениях „СНГ“ всегда темно).

Раздевшись в небольшой комнате канцелярского типа, громко именуемой „кабинетом заведующей столовой“, и пройдя через кухню, мы очутились в зале столовой. Зал был чистый, но нуждался в ремонте. Здесь вдоль стены с окном стояло с десяток столов, за каждым из которых сидело по 8 человек — стариков и пожилых. Перед раздаточным окном стояла очередь, растянувшись до входных дверей в зал. Огородников позвал самых ближних к нам двух стариков, дождавшихся уже своей очереди и представил их нам.

Один из них, ветеран войны 1941-45 гг., 1907 года рождения, живет один, получает минимальную пенсию в 150.000 рублей (приблизительно 33 доллара, а цены в Москве на многие предметы первой необходимости выше американских) в месяц, других доходов не имеет и, после оплаты квартиры, не может купить себе даже хлеба. У другого история аналогична с той только разницей, что у него есть еще парализованная жена, которой он носит обед в кастрюльках на дом.

Людам, сидящим за столами, обед развозила служащая столовой (не получающая за это никакой „зарплаты“). Грушевый сок, подающийся к обеду (полученный с Запада в качестве гуманитарной помощи), был налит в небольшие широкогорлые стеклянные банки из-под варенья (Огородников объяснил нам, что покупать стаканы им не по карману и, в соответствии с поговоркой, что „голь на выдумки хитра“, они используют такие банки вместо стаканов).

На кухне двум поварихам (тоже добровольцам; в последующем разговоре выяснилось, что „зарплату“ получает только заведующая столовой, так как ей приходится работать чуть ли не круглосуточно) помогал милый видный юноша лет 18. Когда мы сели обедать (тем же супом,

который подавался всем другим), Огородников рассказал, что спас этого юношу от ужасной участи — он был захвачен торговцами „живым товаром“, которые собирались насильно продать его... в рабство (да, да, читатель, в 1995 г., в конце XX века!) в качестве проститутки мужского пола. По словам Огородникова на этот вид проституции сейчас большой спрос.

В полутемной прихожей столовой мы столкнулись с еще одной человеческой трагедией. Здесь за порядком соблюдения очереди присматривал невысокий худощавый паренек. Оказалось, что в свои 25 лет он успел „хлебнуть лиха“: послужил в Афганистане, а потом — в Чечне. Будучи родом из детского дома в Казахстане и ставши там жертвой преследования местных казахских шовинистов, сбежал домой. Но на „Родине“ он оказался никому не нужен, паспорт ему давать не хотят, и Огородников помогает ему „оформиться“. А пока — дает ему крышу над головой и пропитание...

Во время обеда и после него мы ознакомились с положением дел столовой. С момента ее открытия в конце 80-х годов (и накармливания около 800.000 голодающих) власти всех рангов всячески старались „прикрыть“ ее. Собственно говоря, и открыть ее позволили только лишь из-за своей твердой уверенности в том, что все это — пустая затея и все развалится в ближайшем будущем.

Когда столовая не развалилась, а, наоборот, стала „набирать скорость“, то у властей возникло подозрение — а чем эта столовая занимается на самом деле?! Дикая мысль о том, что нормальный человек может заниматься чистой благотворительностью, „ничего с этого не имея“, была за пределами марксистского мышления. Как известно, штаты многочисленных райкомов, обкомов, горсоветов и пр. советских учреждений остались все на месте (за исключением тех счастливых, которые успели „прихватизировать“ достаточный кусок беспризорного российского пирога или сбежать с ним на Запад наслаждаться „заслуженным“ покоем, или же бросили играть в прятки и открыто живут в стиле, подобающем членам растущего класса „новых русских“).

Уверенность властей в том, что только идиот может на самом деле заниматься благотворительностью (а Огородников на идиота никак не походил), привела к тому, что столовая стала объектом бесконечных вооруженных обысков сотрудниками ОМОНа.

Но Огородников устоял, установил связи с рядом западных организаций и индивидуумов, что и помогло и помогает ему „держаться на плаву“. Так, за день до нашего приезда он получил факс от бывшего президента США Джимми Картера с поздравлениями и пожеланиями успеха в работе. В факсе также высказывалась уверенность в том, что Огородников выдержит и теперешний натиск советской бюрократии.

По мере того, как запасы недвижимости в Москве, на которой чиновники могли подработать, стали иссякать, а цены на все — расти (в настоящий момент аренда одного квадратного метра помещения в Москве стоит, как минимум, 600 долларов — в два раза выше цен в Нью-Йорке), на помещение Огородникова стало зариться все больше и больше бюрократов. Да и понятно — согласно марксистскому закону джунглей, чего там возиться с какими-то оборванцами и тратить на них помещение, за которое можно сорвать несколько тысяч долларов! Не сумев выжить Огородникова открыто, в данный момент его пытаются удушить административно-финансовым воздействием. Так, в декабре 1994 г. столовую закрыли на 2 месяца по „санитарным“ причинам, оставив ее посетитель голодать (столовая, следует отметить, содержится в образцовой чистоте и порядке). Когда Огородников и тут переборол советских демократов, то те перешли на финансовое давление: Огородников показал нам счет за аренду помещения (с огромными штрафами) на около 50 миллионов рублей (около 11 тысяч долларов — это в стране, где месячная заработная плата в 150-200 тысяч долларов считается хорошей). „Это, — сказал Огородников, — наш конец“.

Кроме этого, столовую давят завышенными тарифами на все коммунальные услуги — газ, электричество, горячую воду, отопление. В канцелярии нам было показано письмо на имя столовой от префектуры северного района Москвы, указывающее на то, что, в результате письма от Т. Е. Толь-Ярыгиной (русской американки из штата Нью-Джерси, которой Конгресс Русских Американцев помогает посылать гуманитарную помощь в „РФ“ и другие восточно-европейские страны), плата за все эти услуги будет снижена до „нормального уровня“ (тем самым признавая, что до этого плата была завышенной). Но — „жалует царь, да не жалует псарь“. Местная бюрократия игнорирует это „указание сверху“ и продолжает требовать плату в прежних размерах.

Платить не только завышенные, но даже и „нормальные“ тарифы столовая не может. Вся работа в ней ведется добровольцами, использующими пожертвования (на 90 % — западные) в любых формах — продуктами питания, одеждой, мебелью, деньгами. Если Огородников в ближайшее время не добьется „настоящей“ бумаги, которая надежно и навсегда оградит его от бесконечных попыток укунить его (то есть такой, чтобы ни один бюрократ не смел бы показаться на порог столовой), то это благородное и полезное начинание утонет в омуте теперешней советской демократии.

После ознакомления со столовой, мы поехали с Огородниковым посмотреть его „канцелярию“ и только что открытый приют для девочек (станция метро Электровозовская). Здесь, как в столовой — попытки всячески задушить, утопить это начина-

ние, не дать выжить.

С самого начала, как только Огородников „выбил“ разрешение на пользование зданием, прежние хозяева воспротивились. В здании до Огородникова находился магазин запасных частей для автомобилей, „курируемый“, как выяснилось, местным отделением милиции и... местным „отделением“ („мальной“) мафии. Удивительного в таком сотрудничестве ничего нет — в течение всего своего существования советская власть официально именовала уголовников „социально близким элементом“, воспитав, таким образом поколения три граждан, с уважением относящихся к преступному миру.

Удивительное началось после въезда Огородникова в здание. Сразу же к нему заявился представитель местной мафии с достойной свитой. Узнав, что в здание въехал Огородников (знакомый воровскому миру с его „сидения“ в Гулаге), „начальник“ заинтересовался, на какие нужды потребовалось здание. Услышав, что здесь будет устроен приют для беспризорных девочек, он заявил, что это „дело хорошее“ и что он к приюту претензий не имеет. С тем и ушел.

Не так легко оказалось отделаться от блюстителей власти. Шесть месяцев понадобилось Огородникову, чтобы нейтрализовать попытки милиции выжить его из здания.

В настоящий момент в приюте „живет“ шесть девочек. Как известно, в соответствии с советскими традициями, к детдомовским воспитанницам власти относятся по-марксистски: как только те достигают положенного возраста, их... выставляют на улицу! Можно легко себе представить, что случается с такими девочками: оказавшись на улице, они и начинают вести себя „по-уличному“.

Выше слово „живет“ было взято в кавычки. Причина этому проста — живут эти девочки в помещении, напоминающем пещеры каменного века или, в лучшем случае, катакомбы древних христиан. Единственное отличие — отопление. Но в помещении нет воды (ни холодной, ни, тем более, горячей); еда готовится на электрических плитках; спать детям приходится на более чем примитивных ложах (благо одна западная организация пожертвовала 90 матрасов); и т. д. Но это неизмеримо лучше, чем жить на улице. И вот в это помещение вскоре после нашего визита прибудет еще 10 девочек.

Но Огородников не падает духом. Есть добровольцы, есть какая-то помощь, дело делается несмотря на все происки демократической бюрократии.

Лица, желающие помочь этим начинаниям, могут присылать чеки, написанные на „CRA“ по следующему адресу:

CRA, P. O. Box 818, Nyack, 10960-0818. Просьба указывать на чеках, что они предназначены для фонда Огородникова. В США все пожертвования можно списывать с подоходных налогов.

П. Будзилович

ПЕЧАТЬ ОПТИМИСТ И ПЕССИМИСТ

Из статьи А. Горянина „Нашим катастрофистам“ („Русская Мысль“ от 16-11-1995) выпишем следующий пассаж, вызывающий у нас полное одобрение:

„Ведь ни один ученый муж (все равно, кремлевед, футуролог или звездочет) не предрек 10 лет назад, что от развитого социализма вот-вот останется мокрое место... Этот строй, рассуждали мы, устранил лишь медленное, поколениями изживание его. И вдруг, словно истек срок проклятия, он развалился и рассеялся, — как от петушьего крика в гоголевском „Вие“ рассеялась нечистая сила, хлопая перепончатыми крыльями и застревая в окнах. Кто после этого усомнится, что Россия — удачливая страна?“

Автор рисует чрезвычайно оптимистическую картину положения дел в „бывшем СССР“. Мы бы и рады с ним согласиться; кое в чем и можно. Но для всякого русского патриота остается совершенно нестерпимым имеющее место расчленение России. Пока она не будет восстановлена в своих естественных, законных размерах, — мы никак не можем смотреть на вещи через розовые очки!

В том же номере, в продолжении „Московского процесса“ В. Буковского, читаем:

„Режим был обречен, но прежде, чем сдохнуть, он успел сделать последнюю подлость — окончательно скурвить страну соблазном легкого, без усилий и жертв, выздоровления. Успех этого обмана, особенно среди интеллигенции (люди попроще отнеслись к горбачевским хитростям с крайним недоверием) производил впечатление гораздо более гнетущее, чем все перестроечное лукавство советских вождей. От них-то чего было и ожидать? Коммунисты как коммунисты со свойственной им уверенностью, что при известной ловкости можно и экономичку перехитрить, и народ обдурить, и историю объегорить, да так и въехать в рай дураком, пока никто не спохватился. Но видя как легко и охотно „поверила“ интеллигенция в возможность спасения „сверху“, у меня просто опускались руки. Как будто мог быть в России хоть один человек, не понимавший, что эта партия, погрязшая в коррупции, лжи и преступлениях, и завела страну. Неужто кому-то было еще не ясно, что из недр этой партии, полстолетия старательно отбирившей в свои ряды карьеристов и проходимцев, никак не могло прийти обновление? Неужто не понятно, что спасать доведенную до катастрофы страну нужно в первую очередь от них, а не с ними?“

Мрачно; но убедительно.

ЧЕРТОПОКЛОННИКИ

Судя по статье А. Мартынова в „Новом Русском Слове“ от 28 октября с. г. „Групповая любовь к Люциферу“, развлечения русских сатанистов стоят на самом низком уровне, с точки зрения практикуемых ими обрядов.

В случае описанного тут сборища, нельзя, по сути дела, говорить о черной мессе. Таковая требует участия священника, католического или православного;

можно и расстриги, — но непременно когда-то законно возведенного в сан.

Групповой секс, хотя и есть часть дьявольского культа, должен по правилам наступать после явления нечистого духа (нормально — облеченного в маску и головной убор с рогами).

Жертвоприношение надлежит совершить человеческое (лучше всего — ребенка); о чем, впрочем, глухо упоминается у Мартынова („Раньше было“... и т. д.). Убийство котенка важности обряда не адекватно.

При всем том, невзирая на нарушение порядка и неумение своих поклонников, — Люцифер на их призыв, наверно, откликнется; он обращений к себе никогда не отвергает...

Страшная судьба ожидает, — наверняка! — тех, кто подобным забавам предается... Любителей на то всегда хватало, во все времена; и они, неизменно, плохо кончали...

В ЗАЩИТУ САМОДЕРЖАВИЯ

В „Литературной России“ № 37 за 1995 г. кандидат исторических наук Н. Пронина полемизирует с А. Ананьевым по поводу его романа об Иоанне Грозном.

Выпишем некоторые ее мысли:

„Да, Россия выбрала тогда самодержавие. И именно его Достоевский считал идеалом государственного устройства, ибо оно является результатом нравственного самосовершенствования „единиц“. Но был это не столько собственно выбор, сколько возрождение тех форм правления, той древней идеи, которая пришла на Русь Московскую из погибшей Киевской Руси в списках бессмертного „Слова о законе и благодати“ первого русского митрополита Иллариона, воспевавшего князя-единодержца Владимира Крестителя.

И это отнюдь не стало „историческим недоразумением, ошибкой“, как считает А. Ананьев. История свидетельствует: только благодаря сильной единодержавной власти киевских князей Древняя Русь смогла устоять во многовековой борьбе с хазарским каганатом, византийской империей, поляками, варягами, печенегами и войти в число великих государств тогдашней Европы“.

СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

В том же номере хорош короткий рассказ С. Козлова „Ночь перед вечностью“, описывающий расстрел митрополита Вениамина, который будто бы, к ужасу чекистов упал только после нескольких залпов вплотную.

Отвлекусь. Рассказ напомнил мне кадр из испанского фильма „Альказар“, виденный когда-то в Берлине. Там красные ведут на казнь группу монахов, громко поющих „Dies irae“. На песчаном берегу моря их расстреливают из пулемета; но и после того как свалился последний, гимн продолжает звучать, — и все громче... Потеряв голову от страха, палачи разбегаются кто куда... Публике предоставлялось решить, показано ли чудо или галлюцинация у злодеев.

Профессия расстрельщика, по всем свидетельствам, — очень вредная. Многие кончают, как вот и комиссар Кожаный в рассказе Козлова, в сумасшедшем доме.

В. Р.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

МАСОН М. В. АЛЕКСЕЕВ

В 1917 году, когда М. В. Алексеев подписывал свои телеграммы командующим фронтами, никто ведь не знал почему он это делает, и принимали за чистую правду, а была ведь подлая измена, и из бунта в стране сделали революцию „лучезарные братья“ генерал-адъютанты Алексеев и Рузский.

В газете „Наша Страна“ номер 2284 была помещена небольшая заметка М. Климова „Масон Цвибак“, со ссылкой на книгу Нины Берберовой „Русские масоны XX столетия“ (Издательство „Руссика“, Нью Йорк, 1986).

Настоящим я хочу добавить, что труд этого автора достоин внимания как ввиду тщательности его документации, так и поскольку никто не опровергнул данные, содержащиеся в приводимом им перечне русских масонов XX-го века (стр. 105-165).

На странице 108 мы читаем:

„Алексеев, Михаил Васильевич (1857-1918). Генерал, последний начальник штаба Верховного Главнокомандующего (при царе). После отставки вел. кн. Николая Николаевича числился членом к. д. партии и состоял в ее списке по выборам в Учредительное Собрание. (Нольде. Архив Русской Революции, кн. 7, стр.10). Один из организаторов Добровольческой армии на юге России. Был введен А. И. Гучковым в Военную ложу. Масон до 1917 года. Гувер. БИБ (Дневник, 28 апреля 1917)“.

Рекомендую книгу прочесть. Обращаю внимание на то, что никаких возражений ни от масонов, ни от каких-либо иных лиц по содержанию книги с года ее издания (1986) читать не приходилось.

Н. Пушкарский (США)

ОТ РЕДАКЦИИ: Проживающий в Лос Анжелесе маститый эмигрантский историк Николай Юлианович Пушкарский является автором книг „Очерки Русской Истории“ и недавно вышедшей в России „Император Николай Второй“.

А. ВАСИЛЬЕВ (Симферополь)

75-ЛЕТНИЕ КРЫМСКОЙ ЭПОПЕИ

С 11 по 18 ноября 1995-го года в Крыму проходили „Памятные Дни“, посвященные 75-летию окончания Гражданской войны на Юге России. В этом событии международного масштаба приняли участие не только крымчане и жители необъятной России, но и соотечественники из „дальнего зарубежья“. Среди них: князь Г. И. Васильчиков (Великобритания) — внук генерал-адъютанта, министра Двора, который принимал участие в становлении винодельческого производства в Массандре; сестра князя — М. Н. Апраксина (Бельгия); В. Н. Котляревский (Бельгия) — сын личного секретаря барона Врангеля; А. И. Вяземская (Франция) — внучка С. И. Воронцова, наследница славного рода, имеющего глубокие корни в Крыму; В. С. Шиловский (Франция) — сын штаб-капитана гвардейской конной артиллерии, участника боев за Перекоп; баронесса Ирина Пален, Наталья Дудар (Нидерланды).

Участники Памятных Дней посетили Перекоп, где проходили кровопролитные бои за „ворота Крыма“; побывали в Севастополе, откуда в те далекие дни более 145 тысяч русских людей навсегда покинули родину...

На окраине Севастополя у так называемой Максимовой дачи, на месте массовых расстрелов, прошло собрание, на котором было заложено основание для мемориального знака. Он будет представлять собой красную и белую плиты, соединенные крестом. Знак „примирения“. В Ливадии в эти дни проходила конференция, одним из девизов которой было: „В поисках утраченного единства“. Но можно ли сейчас, даже спустя десятилетия найти это единство, примирить непримиримое?

На месте боев в Перекопе; во Владимирском соборе в Севастополе; в церкви дворца Государя Императора Николая Второго в Ливадии были отслужены панихиды по погибшим в годы Гражданской войны. И в эти грустные, но торжественные минуты все больше и больше верилось, что только Святая Церковь Христова, единая православная вера простит непростимое, примирит непримиримое и на единой духовной основе вновь возродится и воссияет Великая Россия.

„Памятные Дни“ и конференция были организованы и проведены Крымским Центром Гуманитарных Исследований при Таврическом Университете. К сожалению правительство Украины категорически отказалось финансировать эти мероприятия заявив, что их проведение нецелесообразно! И это несмотря на то, что в годы Гражданской войны Украина пострадала больше всех.

А. Васильев

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ

Спасибо за регулярно присылаемую „Нашу Страну“. В № 2359 увидел статью С. И. и В. Д. Беликовых и был очень удивлен неверной информацией о том, что я якобы издал книги за свой счет. Это невозможно, ибо я живу на зарплату институтского преподавателя, и никакие книги по сей причине издавать не могу! Деньги мне жертвовали наши русские эмигранты, которых я прошу вас поблагодарить через газету.

Я говорил Беликовым на Бородинском поле, что без помощи нашей

эмиграции не издать бы мне книг.

Я же был на Бородинском поле в форме нашего военно-исторического клуба „Лейб-Гвардии Семеновский полк“, которого я являюсь членом (полковым доктором). Со всей России съехались клубы имитировать сражение.

В Петрограде выставили статую Императора Александра Третьего во дворец Мраморного дворца — дворца К. Р. — красота необыкновенная — Царь Богатырь. На табличке написано, что стоит временно, и некоторые кандидаты в депутаты требуют ликвидации „стамески“ на Знаменской площади и восстановления памятника Государю на его старом месте.

Сергей Шарапов (Москва)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ХРОНИКА

РОСТ РОТШИЛЬДОВ

Нам пишут из Лондона:

Английские газеты отмечают, что семейство Ротшильдов приобретает все большее влияние в мировых финансах. В начале 80-х годов английские Ротшильды покончили со склоками, столь характерными для этого клана, и значительно увеличили свое состояние. Барон Ивлин Ротшильд (ныне лорд) благодаря своим связям с „железной лэди“ Маргарет Тэтчер сумел сделать удачные приобретения во время приватизации английского государственного сектора. В частности, его пай в газовом комплексе страны сегодня оценивается в 8 миллиардов фунтов стерлингов. Ему также удалось выгодно приобрести и некоторые государственные энергетические предприятия.

Именно лорд Ивлин Ротшильд стал тем связующим звеном, которое вновь объединило французскую и английскую ветви этого банкирского рода. Чтоб уверить своих родственников на материке в любви, Ивлин даже назвал своим преемником барона Давида Ротшильда, главу французской ветви этой семьи.

Давид, со своей стороны, тоже может похвастаться немалыми финансовыми успехами. В 1982 году он с братьями организовал в Париже новый банк, который быстро пошел в гору и стал одним из крупнейших финансовых институтов страны. Сегодня отделения этой корпорации имеются в большинстве европейских стран, а также в Азии и Латинской Америке.

Более того, как в прошлом веке, при совершении крупных операций Ротшильды ныне объединяют свои усилия и выступают единым фронтом. Причем многие выгодные капиталовложения этих банкиров держатся в тайне.

ВЕРТОГРАД-ИНФОРМ

Нам пишут из Москвы:

Православному информационному бюллетеню „Вертоград-информ“ исполнился год. Одна из главных задач, которые стремится решить бюллетень сегодня — это сбор и публикация информации о важных событиях в жизни приходов и общин юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. По словам редакции бюллетеня, „эта информация должна носить строго церковный характер и служить делу возрождения и единения Истинной Церкви“.

Редакция обратилась ко всем „благоревностным священнослужителям“ Российской Церкви с просьбой сообщать ей о тех со-

бытиях, которые должны найти свое отражение на страницах церковных изданий Русской Зарубежной Церкви, являющихся основными подписчиками бюллетеня „Вертоград-информ“.

При этом редакция напомнила, что бюллетень распространяется исключительно внутри Зарубежной Церкви, а также в Церквах, с которыми она имеет каноническое общение.

Адрес бюллетеня: Россия 109316 Москва, Качалинская ул. д. 9, кв. 69. Телефон: (095)-270-8921.

ИМПЕРАТРИЦА БОРЕТСЯ

Нам пишут из Медона:

Проживающая в Париже 57-летняя императрица Ирана Фарах Дибба, вместе со своим сыном Резой и группировкой иранцев, в которую входят не только монархисты, занимается реорганизацией оппозиционных сил противостоящих нынешнему революционному тегеранскому режиму.

Предполагается, что вскоре будет создан орган, призванный представлять находящиеся в изгнании силы. „Мой сын прилагает много усилий, чтобы объединить всех противников режима, самых разных аятолла“, говорит императрица. „Мы сможем взять верх только в том случае, если объединим наши усилия“.

Последователи Резы разрабатывают далеко идущие планы. „Как

только в Иране будет восстановлена свобода“, говорит он, „народ сам выберет свое будущее“. Как Реза, так и его мать верят в возможность восстановления монархии. Только король, считает Дибба, в состоянии сохранять единство страны. „В мире господствует мнение, что монархия — это регресс, а демократия — прогресс. Но сколько демократий, представители которых восседают в ООН, могут, положив руку на сердце, действительно назвать себя таковыми?“, восклицает она. Императрица могла бы спокойно жить в одной из своих резиденций в Америке или во Франции. Но она выбрала путь политической борьбы, несмотря на многие разочарования, которые ей приходится испытывать. В 1979 году западные друзья шаха его бросили на произвол судьбы и всей монаршей семье пришлось бежать от революционеров-шиитов. „До сих пор не могу понять как в те времена некоторые правительства, а заодно и международная печать, могли представлять Хомейни в роли чуть ли не святого, некоего нового Ганди. Многие приложили усилия, чтоб заварить эту нашу революцию“.

Фарах Дибба считает, что каждый настоящий иранец сохраняет в своей душе глубокие национальные чувства. „Править в Иране было далеко не просто, — говорит она, — принимая во внимание сильнейшее давление извне, объясняемое стратегическим положением страны. Но это был

наш высокий долг. Никогда не забуду 1973 год: мой супруг объявил об аграрной реформе и взял под свой полный контроль добычу нефти в стране. Это был решающий поворот в истории Ирана, значение которого до сознания народа ему довести не удалось“. Императрица читает все, что касается Ирана, включая специальные доклады, которые для нее готовят. Она записывает свои обращения к народу на видеопленках, которые нелегально высылаются затем в Иран.

„Общее недовольство в стране достигло такого уровня, — говорит она, — что даже клерикальные круги выражают несогласие с тем, что делают находящиеся у власти муллы. Экономическое положение в стране ужасно. Внешний долг достиг 45 миллиардов долларов. 60 % населения — за порогом бедности. Я призываю моих соотечественников, всех граждан Ирана к сопротивлению. И мы еще увидим светлый день. А тех соотечественников, которые находятся за границей, я прошу забыть обиды и все, что их разделяет, и сомкнуть ряды“.

Фарах Дибба прекрасно знает, что в разных странах совершают покушения засылаемые из Ирана террористы. „Сознаю, что и моя жизнь находится под угрозой, но я не боюсь. Предпочитаю быть убитой, чем умереть на больничной койке, как мой муж“, спокойно произносит она слова, поистине достойные императрицы.

ТРИ СКРЕПЛЕНИЯ

Нам пишут из Курска:

Здесь, в Доме Офицеров, Курский отдел Российского Имперского Союза-Ордена и местное Дворянское Собрание устроили ряд лекций на тему „Проблемы исторической российской государственности“. В частности, протоиерей Лев Лебедев коснулся „Духовных аспектов возрождения российской государственности“, а Ю. Н. Астрединов сделал доклад о сущности православной монархии.

В своем выступлении, протоиерей Лев Лебедев, между прочим, отметил следующее:

„В нашем русском народе, ставшем основой всей российской государственности, искони все основывалось на трех важнейших столпах: православии, самодержавии, народности (вере, царе, отечестве). Это всегда были три важнейших скрепления, державших русский народ в сознании и ощущении своего духовно-национального единства, и три главных основы русского патриотизма“.

По словам о. Льва „нужно ставить задачу вырастить путем соответствующего образования и воспитания новый русский православный народ, имея в виду теснейшую зависимость в замкнутом круге православия-самодержавия. Нужно направлять усилия одновременно и на церковное, и на монархическое культурное просвещение нынешнего общества, особенно детей и молодежи“.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КНИГА О ГЕРБАХ И ДИНАСТИЯХ

Вам пишет председатель Монархическо-Консервативного Союза Болгарии.

У нас большое желание выпустить книгу о гербах и хронологиях христианских династий Европы, Кавказа, Ближнего Востока и Африки. О каждой стране просим читателей „Нашей Страны“ по возможности прислать нам короткие исторические очерки, средневековые карты, рисунки гербов и хронологию династий.

Вы можете оказать нам содействие книгами по средневековой истории и геральдическими сборниками. Например: Ю. В. Арсеньев, „Геральдика“, Москва. Каменцева, Устюгов, „Русская сфрагистика и геральдика“. Москва 1974. К. Иванов, „Флаги государств мира“. Москва 1971.

Наш адрес: Болгария 5000, Велико Тырново, пл. Марно поле № 2 а. П. к. 334. Тел. 00359 (62) 3-13-04; 2-80-52, Факс: 00359 (62) 2-37-64. Заранее благодарим вас!

Иван Марчевский

РОЗЫСКИ

Петра Ивановича Гайваронского, рожденного в 1920 году в Ставропольском крае, в 60-х годах проживавшего в Аргентине, разыскивает племянник Иван Николаевич Гайваронский.

Сведения о нем или о его семье сообщить по адресу: 140106 г. Раменское, ул. Леващова 31, кв. 50, Московской области. Россия.

РОЗЫСКИ

Наталья Валентиновна Гаенкова разыскивает родственников полковника Русской Армии генерала Врангеля Николая Станиславовича Добровольского, родившегося между 1889 и 1899 гг., проживавшего во время Второй Мировой войны в Югославии, выданного Советам и умершего приблизительно в 1945 году.

Писать по адресу: Natalia Gaenkova, c/o Antonina Kisilakov, P. O. Box 451, Strathfield, N. S. W. 2135, Australia.